

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. ЖДАНОВА

В. Г. Эрман

**ОЧЕРК
ИСТОРИИ
ВЕДИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

8А
Э74

Ответственный редактор
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

ОТ АВТОРА

Первый в нашей стране труд, систематически излагающий историю раннего периода развития индийской литературы (вторая половина II тысячелетия — середина I тысячелетия до н. э.). В книге подробно характеризуются важнейшие памятники и группы памятников, дается их идейно-эстетическая оценка в контексте общекультурных традиций древней Индии.

Э 70202-101 — 175-80. 4603030000
013(02)-80

Владимир Гансович Эрман

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЕДИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*Утверждено к печати Ленинградским государственным университетом
им. А. А. Жданова*

Редактор Л. Ш. Рожанский. Младший редактор Г. А. Бурова. Художник Э. Л. Эрман. Художественный редактор Б. Л. Резников. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор В. В. Воловик

ИБ № 14022

Сдано в набор 27.11.79. Подписано к печати 22.04.80. А-01795. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,18. Уч.-изд. л. 13,65. Тираж 6650 экз. Изд. № 4661. Зак. № 820. Цена 80 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

В основу настоящего очерка взят курс лекций, читанных автором в течение ряда лет на кафедре индийской филологии Ленинградского государственного университета. Автор ставил своей целью дать по возможности систематический обзор важнейших фактов, относящихся к начальному периоду истории древнеиндийской литературы. Очерк не претендует на подробное освещение всей разнообразной и богатой проблематики ведийского периода. В нем излагается в основном материал, наиболее проверенный современными исследованиями; однако, поскольку в этой области, характеризующейся известной скудостью достоверных исторических документов, мы доныне даже в самых кардинальных вопросах не всегда находим решения совершенно бесспорные и общепризнанные, наше изложение неизбежно подразумевает введение в круг некоторых особенно существенных проблем современной ведологии. Освещение фактов ведийской литературы с позиций материалистического понимания истории культуры является для нас одной из первостепенных задач, сложность которой обуславливается еще и тем, что в нашем востоковедении область эта серьезно разрабатывается лишь с относительно недавнего времени.

Книга рассчитана как на студентов-индологов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей культуры и литературой древней Индии. Библиография к очерку и его разделам включает наиболее авторитетные обобщающие работы и руководства, излагающие материал в достаточно доступной форме; отдельные специальные исследования, посвященные затрагиваемым в данном очерке частным вопросам, указаны в примечаниях.

Учитывая, что этот очерк может рассматриваться

как первая часть общей истории древнеиндийской литературы, автор включил во вступительную главу некоторые характеристики, относящиеся ко всей этой области в целом, и в обзоре истории изучения древнеиндийской литературы в нашей стране и за рубежом не ограничился рамками ведологических исследований.

ВВЕДЕНИЕ

Индия — страна древней и самобытной культуры, история ее литературы измеряется тысячелетиями. В мировой истории нам известны цивилизации не менее древние, чем индийская; но, если культурные традиции древнего Египта, Двуречья, античного мира фактически оборвались с гибелью этих цивилизаций и народы, населяющие ныне страны, где они некогда процветали, строили свою культуру на новых основаниях, начинали от иных истоков, Индия — одна из немногих стран мира, где наследие тысячелетий живет поныне, сохраненное бесчисленными поколениями на протяжении всех этапов ее истории, донесенное через все исторические потрясения и перевороты. Непрерывность культурной традиции — черта, выделяющая Индию во всемирной истории.

Развитие этой традиции не было равномерным и плавным, она подвергалась существенным изменениям на своем длительном пути, отмеченном подъемами и спадами. Язык литературы постепенно эволюционировал, на смену одним языкам приходили другие. То, что мы называем историей индийской литературы, по существу, является историей многих литератур, и в процессе культурного развития одни литературы прекращали свое существование, между тем как вслед за ними начинали самостоятельное становление другие; но на всем протяжении своей истории культура Индии сохраняла некое единство и преемственность. Прочные нити связывают прошлое и настоящее Индии, идеи и образы древней литературы до сей поры не умерли в народном сознании и оказывают влияние на духовную жизнь общества. И современную Индию нельзя по-настоящему понять, не зная ее прошлого.

Как уже было отмечено, индийская литература есть в действительности совокупность многих литератур, которые создавались на различных языках и развитие ко-

торых охватывает различные эпохи. И в древности, как и в наше время, Индию населяли многие народности и многие этнические группы, и ее литература создавалась не на одном языке и не была достоянием какой-либо одной из этих народностей. Ведущим литературным языком древней Индии был санскрит, и часто понятие «древнеиндийская литература» рассматривают как равнозначное понятию «санскритская литература». Но, не говоря уже о широком значении самого термина «санскрит», под которым понимают иногда все литературные формы древнеиндийского языка — и такие далекие одна от другой, как «классический» санскрит и ведийский, — нельзя не учитывать, что уже в древнюю эпоху наряду с санскритской развивается богатая литература на праkritах, среднеиндийских языках, занимающая важное место в истории индийской культуры. Наконец, в начале I тысячелетия н. э., т. е. еще в пределах древнего периода, начинает свое существование тамильская литература, первая по времени становления из литературы на дравидских языках.

Но общее название «индийская литература» для многих разноязычных литератур, принадлежащих различным народностям, не является только условностью и не определяется одним лишь географическим фактором, т. е. общностью территории. Для всех этих литератур характерно некое внутреннее единство — то единство, которое включает в понятие «индийский народ» все этнические группы, населяющие различные области страны. Его создает общность исторических судеб и культуры этих народов.

Основы этой культурной общности были заложены именно в древний период. Санскрит и санскритская литература на протяжении многих веков отражали культурное единство Индии. Истоки же санскритской культурной традиции лежат в так называемой ведийской (или ведической) литературе — обширном своде священных текстов, созданных в ранний период индийской истории в среде арийских племен во время переселения их в Индию и постепенного распространения на ее территории; уже тогда арии восприняли и включили в свою культурную традицию многие элементы культуры аборигенов, населявших страну до их прихода.

Созданные в древности непреходящие духовные цен-

ности представляют собой достояние всего индийского народа, и до наших дней они остаются залогом общеиндийского единства в народном сознании. Но значение древнеиндийской литературы не ограничивается пределами одной страны. Образы и идеи ее литературы распространились далеко за пределы своей родины, продолжая жить в иной среде, у других народов. Их воздействие оставило глубокий след в истории культуры Шри Ланки, Тибета, стран Юго-Восточной Азии. Не избежали их влияния и страны Дальнего Востока — Китай, Монголия, Япония. В средние века сильное влияние индийской культуры распространяется и на запад — на Иран и страны Ближнего Востока, а затем через посредство арабов — на Европу. Роль древней Индии в истории культуры стран Востока можно в известной мере сравнить с ролью древней Греции в истории западной культуры.

И в истории мировой культуры древняя Индия играет весьма заметную и почетную роль. Уже в новое время, менее двух столетий назад, когда Европа открыла для себя величие и богатство почти неведомой до той поры древнеиндийской литературы, это открытие послужило значительному умножению духовных ценностей общечеловеческого достояния. Изучение санскрита в начале XIX в. обусловило становление новой науки о языке — сравнительного языкознания; точно так же затем исследование древнеиндийской литературы открыло для европейской науки новые области, способствовало развитию сравнительной мифологии и сравнительной фольклористики. О впечатлении, которое произвел на Запад этот новооткрытый мир древнеиндийской литературы, красноречиво сказал в свое время один из корифеев европейской индологии XIX в. Макс Мюллер:

«Если бы стали искать во всем мире страну, в наибольшей мере наделенную богатством, силой и красотой, какие только в состоянии дать природа, — в некотором роде настоящий земной рай, — я указал бы на Индию. Если бы меня спросили, под каким небом разум человека наиболее полно раскрыл некоторые из своих лучших даров, наиболее глубоко размышлял над величайшими проблемами жизни... я вновь указал бы на Индию. И если бы я сам задал себе вопрос, из какой литературы мы, европейцы, воспитанные почти исключительно

на идеях греков и римлян, а также одной из семитических рас — евреев, можем почерпнуть те коррективы, которые наиболее желательны, чтобы сделать внутренний мир человека более совершенным, более обширным, более объемлющим и, в сущности, более человеческим... я опять-таки указал бы на Индию»¹.

* * *

Изучение древнеиндийской литературы на Западе. Подлинное знакомство Запада с индийской культурой начинается, как упоминалось, около двух столетий тому назад, к концу XVIII в. Но определенное представление об Индии и ее духовных богатствах Европа могла иметь, по-видимому, уже на заре своей собственной истории. Есть основания предполагать, что уже в ранний период истории Греции подобие культурных связей существовало между Индией и Восточным Средиземноморьем: следы индийского влияния усматривают в учении пифагорейцев, определенные сведения об Индии мы находим у Геродота. Но фактически первое непосредственное знакомство греков с индийской цивилизацией относится к IV в. до н. э., к эпохе знаменитого похода Александра Македонского. С этого времени связи Индии со странами Запада становятся более или менее постоянными. У античных писателей последующей эпохи мы находим отдельные интересные сведения о древнеиндийском государстве, сообщения о существовании у индийцев эпической поэзии; главным их источником, как известно, было сочинение Мегасфена, греческого посла при дворе императора Чандрагупты, основателя династии Маурья (IV в. до н. э.); сама книга Мегасфена до нас, к сожалению, не дошла.

Но сведения эти носят отрывочный характер, по большей части они весьма туманны и нередко фантастичны, так же как и сведения об Индии, которые позднее, в эпоху раннего средневековья, мы находим в арабской литературе. Первым действительно серьезным и глубоким исследователем индийской культуры был великий хорезмийский ученый Абу-Рейхан ал-Бируни, который посетил Индию в начале XI в., во время разрушительного нашествия Махмуда Газневийского. В своей

замечательной книге «Индия» («ал-Хинд») ², написанной на арабском языке в 1030 г., ал-Бируни всесторонне освещает характерные черты древнеиндийской цивилизации. Особенное внимание он уделил философии и математике древней Индии (т. е. тем областям знания, которые соответствовали основному направлению его собственных научных интересов), но мы находим в его книге также ценные сведения о некоторых памятниках древнеиндийской литературы. Трудно переоценить научный подвиг ал-Бируни, стремившегося способствовать культурному сближению народов в мрачную эпоху религиозного фанатизма и истребительных войн. Он сумел преодолеть преграды, в те времена, казалось бы, непреодолимые, для проникновения в тайны индийской традиционной учености, ревниво оберегаемые от непосвященных, в особенности от иноверцев. Колоссальный труд потребовался только для овладения санскритом; много столетий спустя немало усилий пришлось потратить для разрешения этой задачи пионерам европейской санскритологии — мы можем представить себе, насколько тяжелее она была для ал-Бируни в глухую пору средневековья. Но и помимо этого нельзя не отметить поразительное для того времени совершенство научного метода и необыкновенную широту кругозора великого хорезмийца, которые позволили ему далеко опередить свою эпоху.

Книга ал-Бируни до сих пор сохраняет свое значение как ценнейший источник по истории древнеиндийской культуры. Но в свое время известность ее не вышла за пределы арабоязычного культурного круга. В средневековой Европе столь активный дух исследования пробудился еще не скоро.

Нельзя сказать, однако, что в средние века Европа оставалась в совершенном неведении о духовной культуре Индии и была чужда ее влиянию. Через посредство арабов, как уже упоминалось, Запад знакомится с некоторыми достижениями индийской науки, а также с некоторыми памятниками индийской художественной культуры. Особенно большое значение имело распространение в Европе древнеиндийской повествовательной литературы, оказавшей влияние на художественное творчество народов многих стран, в том числе и России (в частности, это отразилось в таких памятниках

древнерусской литературы, как «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Повесть об Индийском царстве»).

Но непосредственное и более основательное знакомство с древнеиндийской литературой относится уже к новому времени. До конца XVIII в. Европа имела довольно смутное представление о древней культуре Индии по редким упоминаниям этой страны у античных историков, по отдельным отголоскам, дошедшим до Запада через иранские, арабские и сирийские переводы, а также по отрывочным и далеко не всегда достоверным сведениям из уст путешественников и миссионеров. Среди многих фантастических рассказов средневековых путешественников об Индии, «стране чудес», выгодно выделяются своим реализмом записки нашего Афанасия Никитина «Хождение за три моря», но, собственно, об индийской литературе они ничего не сообщают. Первые более или менее отчетливые сведения о «священном языке браминов» (т. е. санскрите) в Европу занес итальянский купец Филиппо Сассети, пробывший в Индии пять лет (1583—1588). В одном своем письме он отмечает несколько санскритских слов, родственных, как ему кажется, итальянским, предвосхищая таким образом идею о родстве индийских и европейских языков. Первым же достаточно явственным сообщением о древнеиндийской литературе была изданная в 1651 г. в Лейдене книга Абрагама Рогера, голландского миссионера в Пулиате (севернее Мадраса), «Дверь, открытая в тайны язычества»³. В этой книге Рогер поместил перевод нескольких строф из стихов Бхартрихари (VII в.), переведенных для него одним брахманом на португальский язык, с которого Рогер переводил уже на голландский. Если не считать средневековых повестей и басенных сборников, перелагающих индийские сюжеты и мотивы, можно говорить об этом опыте как о первом переводе произведения древнеиндийской литературы на европейский язык.

Позднее другой миссионер, иезуит Ханкследе, проживший в Индии, на Малабарском побережье, более 30 лет (1699—1732), составил на латинском языке первую в Европе санскритскую грамматику — «Grammatica Granthamīa seu Samscrdumīa».

Она не была напечатана, но ее использовал впоследствии Фра Паолоно, тоже миссионер, австриец по

происхождению, живший на Малабаре с 1776 по 1789 г. В своих книгах «Systema Brahmanicum» (на латыни) и «Путешествие в Ост-Индию» (на немецком языке), опубликованных в 90-х годах XVIII в., он уже проявил основательное знакомство с языками, литературой и религиями Индии; он написал также две санскритские грамматики.

Но развитие индологии как научного исследования богатств индийской культуры по первоисточникам начинается не с этих трудов миссионеров. Они были еще очень далеки от подлинно научного метода исследования, часто содержали материал весьма недостоверный, иногда основывались на ложных сведениях⁴. Истинными пионерами в области изучения индийской культуры были выдающиеся английские ученые-филологи, принявшие большую и плодотворную работу в этом направлении начиная с 80-х годов XVIII в.

Собственно, начиналась английская индология с чисто практических задач, которые встали перед колониальной администрацией в первые же годы британского владычества в Восточной Индии. Для того чтобы управлять покоренным народом, надо было знать его сложившийся веками уклад; в первую очередь необходимы были сведения об установленных правовых отношениях и обычаях. Британский генерал-губернатор Бенгалии У. Хастингс по вступлении на этот пост в 1773 г. поручил группе местных брахманов, авторитетных знатоков традиционного права, составить по древним индийским кодексам своего рода компендиум, который содержал бы основные сведения по таким вопросам, как право наследования, земельное право и т. п. Такой свод и был составлен на санскрите под заглавием «Вивадарна-васету» («Мост через океан разногласий»), но, когда он был составлен, выяснилось, что нет никого, кто мог бы перевести его с санскрита на английский. Поэтому его сначала перевели на персидский язык, а уже потом персидский текст перевел на английский Н. Халхэд, и в 1776 г. он был издан под заглавием «A Code of Gentoo Law» (Gentoo — английское написание португальского искажения слова «хинду»).

После этого генерал-губернатор поручил одному из своих чиновников, Чарлзу Уилкинсу (1749—1836), изучить санскрит у бенаресских брахманов. Уилкинс и был

первым англичанином, преодолевшим этот барьер; в 1785 г. он опубликовал свой перевод на английский язык «Бхагавадгиты»⁵. Это был первый перевод на европейский язык произведения древнеиндийской литературы непосредственно с оригинала. Двумя годами позже Уилкинс перевел известный сборник басен «Хитопадеша», в 1795 г. — эпизод о Шакунтале из «Махабхараты». Уже в 800-е годы он издал также санскритскую грамматику (значительно более достоверную, чем упомянутые труды миссионеров).

Но хотя Ч. Уилкинс был первым англичанином, постигшим санскрит, и у него уже учились этому языку другие, труды его не имели такого значения, как деятельность его ученика, знаменитого Уильяма Джонса (1746—1794), подлинного основателя научной индологии.

У. Джонс приехал в Индию в 1783 г. Как и Уилкинс, он был чиновником Ост-Индской компании. Но работа в британском верховном суде в Калькутте была для него только предлогом, предоставлявшим возможность непосредственного знакомства со страной, древняя культура которой стала для него предметом увлеченного и неустанный изучения. Это был человек блестяще одаренный, наделенный незаурядными лингвистическими способностями. В Индию он приехал, уже владея многими языками — основными европейскими, живыми и мертвыми, а также древнееврейским, арабским, персидским и турецким; он также изучил китайский язык, насколько это было возможно тогда в Европе. Одним из первых он установил родство персидского языка с европейскими и отверг господствовавший в те годы взгляд, согласно которому все языки произошли от древнееврейского после мифического вавилонского столпотворения⁶. Джонс высказал идею о каком-то ином праязыке — общем предке европейских и некоторых азиатских языков. Когда под руководством Уилкинса он изучил в Индии санскрит, то обнаружил его родство с древнегреческим и латинским и предположил общее родство этих трех языков также с германскими, кельтскими и персидским языками задолго до Ф. Боппа.

В 1784 г. (т. е. на следующий год после своего приезда в Индию) Джонс организовал первое индологическое научное общество, которое существует и поныне, —

«Азиатское общество Бенгалии» («Asiatic Society of Bengal»). Оно вскоре же развило весьма плодотворную деятельность; особенное значение для развития научной индологии имели осуществленные им многочисленные издания текстов первоисточников.

В 1789 г. У. Джонс опубликовал свой перевод на английский язык «Шакунталы» Калидасы. Этот перевод, как известно, составил эпоху в истории культурных связей Европы с Востоком. Впервые европейцы получили представление о существовании богатой, высокоразвитой и самобытной культуры за пределами известного ареала западной цивилизации, о существовании у народов, которые до той поры считались дикими, варварскими, поэзии, не уступающей по художественной яркости и глубине высочайшим образцам европейской литературы. Известны восторженные отзывы выдающихся европейских поэтов и мыслителей того времени — Гёте, Гердера, Гумбольдта, нашего Карамзина; с английского «Шакунтала» была вскоре переведена на другие основные языки Европы⁷. Следует отметить, что в том впечатлении, которое произвел этот шедевр индийской драматургии на Европу, важную роль сыграли блестящие литературные достоинства перевода У. Джонса.

В 1792 г. Джонс издал в Калькутте текст поэмы «Ритусамхара», приписываемой Калидасе; это было первое печатное издание текста санскритского первоисточника. В 1794 г. появился его же перевод «Законов Ману»; это была последняя законченная работа Джонса. В том же году он умер, не успев завершить порученное ему составление нового свода индийских традиционных правовых кодексов (под его руководством над этим работала группа местных пандитов). Закончил его работу и опубликовал английский перевод этого свода четыре года спустя другой пионер европейской индологии — Генри Томас Кольбрук (1765—1837).

Этого ученого отличала особенно строгая систематичность исследовательской работы и необычайная трудоспособность; его научное творчество выделяется широтой охвата сфер исследования. В отличие от Джонса Кольбрук интересовался не столько поэзией, сколько научной литературой древней Индии. Он явился фактически первооткрывателем в целом ряде областей — в изучении индийской философии и религии, грамматики, астроно-

мии, математики. В 1805 г. он первый опубликовал достоверное и серьезное исследование о Ведах, в том же году вышла его грамматика санскрита, в которой он впервые использовал достижения древнеиндийской науки о языке; Кольбрук первый прочел и перевел ряд древних надписей, положив начало индийской эпиграфике, издал ряд памятников санскритской научной и художественной литературы, собрал богатую коллекцию индийских рукописей.

Продолжателем трудов Джонса и Кольбука был Х. Х. Уилсон (1789—1860), крупнейший английский индолог первой половины XIX в. Его научная деятельность отличается такой же широтой охвата материала и плодотворностью, как и деятельность Кольбука, но уже с более определенным уклоном собственно в историю древнеиндийской литературы. Особенно плодотворной была переводческая деятельность Уилсона; ему принадлежат, в частности, первые переводы и исследования «Ригведы», «Вишну-пураны», ряда важнейших памятников санскритской драматической литературы.

Но к тому времени, когда развернулась индологическая деятельность Х. Х. Уилсона, Англия была уже не единственной европейской страной, где развивалось научное исследование древнеиндийской литературы и культуры⁸. С начала XIX в. самостоятельные индологические школы складываются также во Франции и в Германии.

В 1802 г. известный немецкий поэт-романтик Фридрих Шлегель приезжает в Париж и здесь начинает изучать санскрит у англичанина А. Хамильтона, которого на пути из Индии на родину застигло во Франции возобновление войны с Англией, прерванной ранее Амьенским миром. Хамильтон, изучавший санскрит в Индии в те же годы, что и Джонс и Кольбрук, не оставил значительных научных работ, но сыграл известную роль в истории индологии как первый преподаватель санскрита на Европейском континенте.

Фридрих Шлегель, один из первых учеников Хамильтона, становится пионером в области индологических исследований в Германии. В 1808 г. вышла его книга «О языке и мудрости индийцев»⁹; написанная живо и увлекательно, ярким поэтическим языком, она значительно способствовала пробуждению интереса к культуре

древней Индии у европейского читателя. В книге содержится ряд переводов из «Махабхараты», «Рамаяны», «Законов Ману» — это были первые переводы на немецкий язык непосредственно с санскрита.

Роль Ф. Шлегеля заключалась, однако, главным образом в пробуждении интереса к древней Индии и популяризации ее литературы в Германии и вообще в Европе. Подлинным основателем школы немецкой индологии, вскоре занявшей ведущее положение на Западе, явился его брат Август-Вильгельм Шлегель (1767—1845). А.-В. Шлегель также изучал санскрит в Париже, но позже брата и у другого учителя — Леонара Шези, который был первым французским санскритологом, основавшим в 1815 г. в Коллеж де Франс первую в Европе университетскую кафедру санскрита. А.-В. Шлегель в 1818 г. учреждает кафедру санскритологии в Боннском университете, а с 1823 г. начинает издание «Индийской библиотеки» («Indische Bibliothek»), научной серии работ в области древнеиндийской филологии, имевшей важное значение в истории европейской индианистики. А.-В. Шлегелю принадлежит ряд переводов, исследований и изданий санскритских текстов (в частности, незаконченное издание «Рамаяны»).

Одновременно с А.-В. Шлегелем изучал санскрит в Париже знаменитый Франц Бопп (1791—1867), основоположник сравнительного языкознания; ему принадлежит также ряд переводов и изданий памятников санскритской эпической литературы, в том числе первое издание и перевод (на латинский язык) «Сказания о Нале», замечательной древнеиндийской поэмы, с редким художественным чутьем открытой Боппом в малоизученном тогда гигантском своде «Махабхараты». Впоследствии высокохудожественный перевод «Сказания о Нале» был осуществлен известным немецким поэтом Ф. Рюккертом¹⁰.

К середине XIX в. исследование древнеиндийского культурного наследия бурно развивается в ряде стран Европы, но особенно интенсивно в Германии и Англии. В немецкой индологии этого периода наиболее заметные имена — Т. Бенфей, А. Вебер, Р. Рот.

Теодор Бенфей (1809—1881); известный исследователь в области сравнительной фольклористики, один из создателей так называемой теории заимствований, по-

святил свой наиболее значительный труд исследованию «Панчатантры», важнейшего памятника древнеиндийской повествовательной литературы. Эта работа, опубликованная в 1859 г. в двух томах, заключала в себе комментированный перевод «Панчатантры» на немецкий язык и занявшее целый том исследование о миграции сюжетов, имевшее большое значение в развитии европейской фольклористики¹¹.

Научная деятельность Альбрехта Вебера (1825—1901) охватила чрезвычайно широкий круг проблем истории древнеиндийской культуры; чрезвычайно богатый материал, до того не затронутый исследованием, был впервые введен им в поле зрения европейского востоковедения. Ценным вкладом в развитие индологии явилось предпринятое Вебером научное издание «Индийские штудии» («Indische Studien»), которое он осуществлял с 1849 по 1885 г. Ему принадлежат также первый капитальный обобщающий труд по истории древнеиндийской литературы (см. ниже), издание «Яджурведы» и много других работ.

Немалое значение в этот период имела также деятельность индологической школы во Франции. Интерес к древней культуре Индии пробудился в этой стране довольно рано. В 1801—1802 гг. А. Г. Анкетиль-Дюперрон опубликовал перевод на латинский язык текстов из цикла Упанишад, древнейших памятников индийской философии. Но хотя по этому переводу, озаглавленному «Оурпек'нат», Европа впервые познакомилась с философскими учениями древней Индии¹², сделан он был не с оригинала (автор перевода, известный иранист, не знал санскрита), а с персидской версии XVII в. и давал весьма несовершенное представление о действительном содержании Упанишад. Первым французским санскритологом был упоминавшийся выше А. Л. Шези, издатель и переводчик ряда древнеиндийских литературных памятников. Но главную славу французской индологии создал ученик Шези — Эжен Бюрнуф (1801—1852), один из крупнейших востоковедов прошлого столетия.

Э. Бюрнуф явился основоположником нескольких новых направлений в европейской индианистике, ограниченной до него в основном областью классического и эпического санскрита. Он положил начало серьезному изучению ведийского языка и литературы, первый ввел

в круг научного исследования язык и литературу пали, первый занялся изучением буддизма и опубликовал капитальное исследование в этой области¹³. Он стал преемником своего учителя Шези в преподавании санскрита в Коллеж де Франс и сам воспитал учеников, занявших видное место в истории европейского востоковедения.

Продолжателем исследований Бюрнуфа в области ведийской филологии был его ученик, немецкий индолог Рудольф Рот (1821—1895). Его научные труды сыграли важную роль в изучении языка «Ригведы» и в интерпретации содержания этого древнейшего памятника индийской литературы. Рот осуществил также совместно с У. Д. Уитни издание «Атхарваведы», следующего по значению за «Ригведой» памятника ведийского литературного цикла. Но главным его трудом явилось издание в сотрудничестве с О. Бётлингом¹⁴ капитального словаря санскрита. Это издание, составившее эпоху в изучении древнеиндийской культуры, осуществлено было Петербургской Академией наук с 1852 по 1875 г. в семи томах¹⁵. Позднее, в 1879—1889 гг., была издана новая («краткая») версия словаря¹⁶. «Петербургские словари» — под таким названием они вошли в историю индологии — подвели итог многолетней работе поколений европейских ученых. Их изданием завершается первый большой период в развитии изучения древней Индии в Европе, когда главной задачей было овладение языком древнеиндийской культуры, открывавшее путь к ее сокровищам, к их более углубленному исследованию.

Другим значительным обобщающим трудом, созданным в это же время, было четырехтомное исследование норвежского индолога Х. Лассена «Индийские древности» (1847—1861), охватившее огромный материал по истории общества, культуры и религий древней Индии¹⁷. Лассену принадлежит также написанное в соавторстве с Бюрнуфом первое в Европе исследование о языке пали.

Как и Р. Рот, учеником Бюрнуфа был другой крупнейший исследователь древнеиндийской культуры — Фридрих Макс Мюллер (1823—1900), также немец по происхождению, научная деятельность которого, однако, протекала преимущественно в Англии и выдвинула его в число ведущих представителей английской индологии. Макс Мюллер также обратился к изучению Вед; но в

отличие от Рота, сосредоточившего свое внимание на проблемах непосредственной интерпретации текста, лексики и грамматики ведийского языка, Макс Мюллер включил тот же материал в более широкий и многосторонний цикл исследований; главное внимание он уделил мифологическому аспекту и исследуемый материал положил в основание весьма смелых и оригинальных теоретических обобщений. Макс Мюллер явился одним из основателей науки сравнительной мифологии; его работы, отличающиеся ярким и живым языком, увлекательностью изложения, а также необычайно широкой и основательной эрудицией, оставили глубокий след в развитии науки о мифе, в разработке теоретических проблем истории языка и истории культуры. Хотя большинство его теорий не выдержало проверки временем, в ту пору они указали европейской науке новые горизонты и пути развития и сыграли положительную роль в стимулировании научного исследования новых аспектов истории древней культуры.

Р. Рот и Макс Мюллер продолжили и развили исследование ведийского языка и литературы, основоположником которого был их учитель Э. Бюрнуф. Во второй половине XIX в. получает развитие и другая новая область индианистики, в которой этот крупнейший французский востоковед был фактически первооткрывателем,— изучение языка и литературы пали. Здесь в этот период особенно выделяются три имени: крупнейшие представители европейской палистики XIX в.— датчанин В. Фаусбёль, русский И. П. Минаев (о научной деятельности которого подробнее будет сказано ниже) и англичанин Т. У. Рис Дэвидс.

В. Фаусбёль (1821—1908) впервые исследовал и издал ряд важнейших памятников палийской литературы, в том числе «Дхаммаладу» (1855) и «Джатаки» (1877—1896). Он явился фактически основоположником датской индологической школы, выдвинувшей впоследствии ряд крупных исследователей именно в области палийской филологии.

Томас Рис Дэвидс (1843—1922), автор многих ценных работ по истории буддизма, в 1882 г. основал международное научное общество по изданию палийских текстов («Pali Text Society»), которое развило весьма интенсивную и плодотворную деятельность в этом на-

правлении, имевшую большое значение в истории индологии.

К концу XIX в. изучение древнеиндийской культуры на Западе уже не ограничивается тремя странами, где оно когда-то зачиналось,— Англией, Германией и Францией; самостоятельные школы научной индологии складываются в России, Италии и других европейских странах, а также в США. Американская индология, в частности, еще в середине века выдвигает такую фигуру, как Уильям Дуайт Уитни (1827—1894), крупнейший лингвист и санскритолог, соавтор Р. Рота в издании «Атхарваведы» (1856).

Во второй половине XIX в. размах индологических исследований во многих странах настолько возрастает, что даже краткий обзор научной деятельности наиболее видных представителей международной индологии потребовал бы слишком много места в пределах нашего очерка. Школа научной индологии складывается и в самой Индии¹⁸. Одним из ее основателей являлся выдающийся ученый Р. Г. Бхандаркар (1837—1925), именем которого назван существующий ныне в Индии исследовательский институт, разрабатывающий проблемы истории древнеиндийской культуры. Важную роль в изучении древнеиндийской культуры сыграли работы Раджендралала Митры (1822—1891), издавшего и переведшего ряд памятников санскритской литературы. К концу XIX в. относится деятельность таких санскритологов и историков культуры, как Бхагаванлал Индраджи, Бхау Даджи, Пратап Чандра Рой, издатель первого английского перевода «Махабхараты» (1884—1895), и др. Индийские ученые играли основную роль в издании научной серии «Bibliotheca Indica», учрежденной «Азиатским обществом Бенгалии» с 1847 г. для публикации первоисточников.

Расширился диапазон индологических исследований; к концу века они не ограничивались уже культурой древней эпохи; начинает развиваться изучение новоиндийских языков и литератур, истории Индии нового времени.

Заканчивая обзор истории развития классической европейской индианистики, укажем еще на деятельность, весьма разностороннюю и плодотворную, крупнейшего немецкого индолога конца XIX в. Георга Бюлера (1837—

1898). Г. Бюлер стал основателем международного научного издания, сыгравшего важную роль в разработке проблем истории древнеиндийской культуры уже в XX в., — «Grundriss der indo-arischen Philologie und Altertumskunde» (с 1897 г.).

В конце XIX — начале XX в. в западной индологии выделяются имена таких блестящих и разносторонних исследователей, как немцы Л. Шредер, Г. Якоби, Г. Ольденберг, Р. Пишель, А. Хиллебрандт, французы А. Бергенъ и С. Леви, англичане А. А. Макдонелл и А. Б. Кит, американцы Э. У. Хопкинс и Ф. Эджертон, итальянцы А. де Губернатис и Дж. Туччи, бельгиец Л. де Ла Валле-Пуссен, австриец М. Винтерниц, голландцы Г. Керн и В. Каланд, датчане С. Серенсен и В. Тренкнер, норвежец С. Конов, поляки А. Гавронский и С. Шайер и многие другие. Здесь мы могли назвать только некоторых из крупных индологов этого периода. Еще труднее было бы охватить даже в краткой характеристике развитие индологических исследований — только в области древней культуры — на современном этапе. Некоторые наиболее значительные работы будут отмечены ниже, в библиографии по отдельным разделам нашего очерка. Здесь мы укажем только, что в последние десятилетия, после завоевания Индией независимости, центр международной индологии фактически перемещается из Европы туда, где ему, собственно, и надлежит находиться, т. е. основная масса исследований в этой области ведется теперь в самой Индии, индийскими учеными.

Большое значение для развития изучения древнеиндийской литературы и культуры на современном этапе имели работы таких крупных индийских ученых, как Сушиль Кумар Де, С. Н. Дасгупта, Бхагват Шаран Упадхьяя, Кришна Чайтанья, В. Рагхаван, Р. Н. Дандекар и многие другие. В европейской индологии послевоенного периода можно выделить работы крупнейшего французского индолога Л. Рену, особенно много сделавшего в области ведийской филологии, видных голландских индологов Ф. Б. Я. Кейпера и Я. Гонду, известного ученого-марксиста из ГДР В. Рубена, английского историка культуры А. Л. Бэшема, итальянского индолога В. Пизани и многих других; мы не будем перечислять здесь имена ряда других известных исследователей. Изучение литературы и культуры древней Индии

развивается теперь во многих европейских странах, в том числе и в тех, где в прошлом не было своей индологии (Чехословакия, Румыния, Финляндия и др.), также в странах Азии (особенно в Японии, где преобладает, впрочем, буддологическое направление).

* * *

Изучение древнеиндийской литературы в России и СССР. Активный интерес к древней культуре Индии пробудился в России довольно рано, тогда же, когда и в других европейских странах. В конце XVIII в. появляются первые переводы на русский язык произведений древнеиндийской литературы — еще не с оригинала, а через посредство английских переводов, как было, впрочем, и в других странах Европы, кроме самой Англии, монополия которой в этой области была нарушена, как упоминалось, только в начале следующего столетия. В 1788 г. вышел в Москве перевод «Бхагавад-гиты» — всего через три года после появления английского перевода Уилкинса (с которого он, разумеется, и был исполнен)¹⁹. В 1792 г. в «Московском журнале» был опубликован русский перевод сцен из «Шакунталы», сделанный Н. М. Карамзиным с немецкого перевода Г. Форстера. Позднее, в начале XIX в., ряд других переводов из индийской литературы, сделанных с английских, немецких и французских переводов, появляется в петербургских журналах.

Первым русским, который занимался непосредственным изучением индийских языков и написал книгу, содержащую сведения об индийской литературе, почерпнутые из первоисточника, был Герасим Степанович Лебедев, проживший в Индии 12 лет (1785—1797) и занимавшийся там просветительской деятельностью. В 1805 г. в Петербурге вышла его книга, озаглавленная «Беспристрастное созерцание системы Восточной Индии брамменов, священных обрядов их и народных обычаев». В то время она сыграла определенную роль в ознакомлении русского читателя с культурой далекой и загадочной страны; в книге содержались интересные и ценные наблюдения автора. Но Г. Лебедев не имел в Индии тех возможностей, которые предоставлены были современным ему английским исследователям, не имел доста-

точной подготовки к серьезным научным изысканиям; его книга имеет в основном исторический интерес и, в частности, сведений о древнеиндийской литературе содер­жит мало.

Начало научной индологии в России связывают с именем Роберта Христиановича Ленца (1808—1836), ранняя смерть которого оборвала блестяще начатую научную деятельность. Ленц был первым в России санскритологом; он изучал санскрит в Берлине у Боппа, потом совершенствовался в этом языке в Англии. Вернувшись в 1835 г. из длительной заграничной командировки, он занял кафедру санскрита в Петербургском университете — первую в России. За свою короткую жизнь Р. Х. Ленц успел сделать очень много; правда, в значительной части его исследования остались незаконченными и неопубликованными. В 1833 г. он издал в Берлине текст драмы Калидасы «Викраморваши» с латинским переводом и комментарием; издание было осуществлено на самом высоком для того времени научном уровне. Незаконченным осталось предпринятое Ленцем исследование «Лалитавистары» — одним из первых в Европе он обратил внимание на санскритскую буддийскую литературу. Ленц готовил также исследование санскритских трактатов по стихосложению и издание драмы «Венисамхара» Бхатта-Нараяны; его материалы были использованы впоследствии в издании немецкого индолога Ю. Грилля (1871). За границей Ленц собрал и исследовал ценную коллекцию древних индийских рукописей, которую он передал Азиатскому музею в Петербурге (ныне Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР).

Учеником Р. Х. Ленца во время его недолгого преподавания в Петербургском университете был Павел Яковлевич Петров (1814—1875), который и продолжил начатую Ленцем традицию русской санскритологии. Позже Петров изучал санскрит за границей у Боппа и у Бюрнуфа, а потом сам преподавал этот язык в Казанском и Московском университетах. В 1841 г. он опубликовал в журнале «Москвитянин» перевод «Сказания о рыбе» из «Махабхараты» — это был первый опубликованный перевод с оригинала на русский язык произведения древнеиндийской литературы²⁰. За этим последовал ряд других переводов Петрова из санскритской литературы

(преимущественно из «Махабхараты»), публиковавшихся в разных журналах в 40-е годы прошлого века, в частности первый русский перевод знаменитого «Сказания о Савитри» в том же «Москвитянин» и в том же, 1841 г. П. Я. Петрову принадлежат, кроме того, ряд ценных исследований, краткие, но содержательные обзоры древнеиндийской литературы²¹, издание санскритской поэмы «Гхатакарпара» и др.

Одновременно с Петровым начал исследовательскую и переводческую деятельность другой выдающийся представитель начального этапа русской индологии — Каэтан Андреевич Коссович (1815—1883). В 40—50-х годах XIX в. он опубликовал ряд переводов из древнеиндийской эпической поэзии и драматической литературы, в том числе первые переводы на русский язык с оригинала «Сказания о Сунде и Упасунде» из «Махабхараты»²², первого акта драмы Шудраки «Глиняная повозка»²³ и др. К. А. Коссович издал тексты «Легенды об охотнике» и «Сказания о Савитри» из «Махабхараты», начал издание первого санскритско-русского словаря, оставшееся неоконченным. В 1858 г. он возобновил начатое Ленцем (и прерванное вскоре же его смертью) преподавание санскрита в Петербургском университете. В 1859—1860 гг. им были опубликованы «Вступительная лекция о санскритском языке и литературе» и «Две публичные лекции о санскритском эпосе», яркие по изложению материала и содержащие важные и плодотворные для развития индологических исследований идеи.

Научная деятельность П. Я. Петрова и К. А. Коссовича имела немаловажное значение в истории отечественного востоковедения. Однако фактическим создателем самостоятельной русской индологической школы, вышедшей на международную арену и к концу века выдвинувшейся на одно из видных мест в Европе, был выдающийся русский ученый, один из крупнейших востоковедов своего времени, Иван Павлович Минаев (1840—1890).

И. М. Минаев был ученым необычайно многосторонним, обладавшим огромной эрудицией и глубокими познаниями в самых различных областях востоковедения. Он изучал санскрит в Петербургском университете у К. А. Коссовича и впоследствии за границей у таких коллег ев­ропейской индианистики, как Ф. Бопп, Т. Бен-

фей, А. Вебер. Минаев явился одним из первых и наиболее авторитетных в Европе знатоков языка и литературы пали. Он также прекрасно знал китайский и тибетский, что позволило ему использовать источники на этих языках наряду с санскритскими и палийскими для исследовательской работы в той области, которая была в центре его научных интересов, — в истории буддизма. Это определило его превосходство над многими современными ему европейскими буддологами — он фактически первый из них строил свои исследования на таком широком материале, что дало ему возможность прийти к принципиально важным и глубоким обобщениям, определившим уровень востоковедной науки того периода. Минаев занимался также новоиндийскими языками, которые тогда почти не привлекали внимания европейских индологов.

С исследованиями в области истории буддизма связаны были и занятия Минаева языком и литературой пали. Ему принадлежат издания ряда памятников палийской литературы (в основном опубликованные «Pali Text Society»), первая в Европе научная грамматика языка пали (1872), исследования и переводы палийских джатак. В 1880 г. И. П. Минаев написал краткий «Очерк важнейших памятников санскритской литературы».

Учениками И. П. Минаева были крупнейшие русские индологи XX в. С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской.

Деятельность Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934) оставила заметный след в истории русской и советской науки, как известно, не в одной только индологической области. Ученый необычайно широкого диапазона, С. Ф. Ольденбург помимо ценных работ по истории буддизма, древнеиндийской повествовательной литературе и индийскому искусству опубликовал труды по фольклору, этнографии, искусству народов России, Западной Европы, Индонезии, Китая, Афганистана. Важное значение имела его деятельность организатора науки. В том же, 1897 г., когда Бюлер организовал в Германии издание упомянутой выше серии индологических работ, Ольденбург начал в России издание другой международной научной серии — «Собрание буддийских текстов», или «Bibliotheca Buddhica»²⁴.

У Минаева и Ольденбурга изучал санскрит Федор Ипполитович Щербатской (1866—1942), крупнейший

буддолог своего времени; он совершенствовался в этом языке также в Германии у Бюлера и Якоби. С 1900 г. он сам читал лекции на кафедре санскритской словесности факультета восточных языков Петербургского университета; в течение 40 лет он вел в университете преподавание санскрита, пали и тибетского языка.

Научное творчество Ф. И. Щербатского явилось вершиной в развитии отечественной школы классической индологии. Его основные труды посвящены древнеиндийской философии, главным образом философским учениям буддизма. В этой области они произвели настоящий переворот, представив достижения древнеиндийской философской мысли в совершенно новом свете для европейской науки; они открыли путь к более глубокому постижению ценностей индийского духовного наследия. Щербатской оставил также оригинальные исследования в других областях индологии, в частности по древнеиндийской поэтике²⁵, и прекрасные переводы из санскритской литературы. Он возглавил школу отечественной индологии, сосредоточившую свою деятельность на изучении буддийской литературы и культуры²⁶; учениками Щербатского были такие талантливые исследователи, выдвинувшие отечественную индологию и буддологию на видное место в международной, ориенталистике, как Е. Е. Обермиллер, М. И. Тубьянский, А. И. Востриков.

Расцвет научной деятельности Ф. И. Щербатского и его учеников приходится уже на годы Советской власти. Однако в области собственно литературоведческой и историко-литературной они оставили сравнительно немного работ. Больше внимания проблемам истории древнеиндийской литературы уделили известные украинские индологи XX в. М. Я. Калинович (1888—1949) и П. Г. Риттер (1872—1939); последнему принадлежат, в частности, первые переводы на русский и украинский языки с оригинала знаменитой поэмы Калидасы «Облако-вестник»²⁷.

Однако к началу 40-х годов изучение литературы и культуры древней Индии в нашей стране не получает заметного развития; замирает деятельность школы Щербатского. Советская индология в этот период ориентируется преимущественно на изучение современной Индии и новоиндийских языков и литератур. Именно в годы Со-

ветской власти и начинает, в сущности, развиваться у нас новоиндийская филология — область, долгое время остававшаяся в пренебрежении у европейских индологов²⁸. Но изучение древнеиндийской литературы оживляется в СССР в послевоенные годы.

Начиная с 50-х годов появляются переводы важнейших памятников древнеиндийской литературы. Еще до войны под руководством известного советского индолога А. П. Баранникова (возглавившего школу новоиндийской филологии в первые годы Советской власти) начата была работа над первым полным переводом на русский язык грандиозного эпического свода «Махабхарата»; в 1950 г. вышел перевод первой книги эпоса, сделанный В. И. Кальяновым²⁹. Позднее, с 1955 г., в Ашхабаде было начато издание перевода избранных мест из «Махабхараты», осуществленного Б. Л. Смирновым³⁰. В Москве и Ленинграде публикуются в дальнейшем переводы из санскритской классической литературы В. С. Воробьева-Десятковского³¹, И. Д. Серебрякова и др. В 60-х годах выходят первые переводы на русский язык важнейших произведений цикла Упанишад, появляются переводы из палийской литературы (в частности, перевод «Дхаммапады», принадлежащий В. Н. Топорову); уже в недавнее время опубликованы переводы избранных гимнов «Ригведы» и «Атхарваведы» (Т. Я. Елизаренковой) и знаменитого памятника древнеиндийской эстетики «Дхваньялока» Анандавардханы (Ю. М. Алихановой).

В послевоенный период значительно расширяется круг исследуемых тем в нашей индологии. Если дореволюционная русская индологическая школа сосредоточивала свою деятельность преимущественно в одном направлении — буддологическом, в настоящее время исследования даже только в области древней культуры Индии ведутся более широким фронтом, захватывая новые сферы и проблемы, ранее в русской индологии почти не затронутые. Появляются работы в области ведийской филологии, древнейшей культуры, религии и мифологии Индии, исследования проблем древнеиндийского эпоса, санскритской повествовательной литературы, драматургии, поэтики, дравидологические исследования, продолжаются и буддологические штудии. Масштаб исследовательской работы настолько возрастает, что подробный обзор ее на современном этапе занял бы слишком много

места; тем не менее в разработке отдельных проблем и тем в указанных областях нельзя не учитывать труды советских индологов Ю. М. Алихановой, Я. В. Василькова, О. Ф. Волковой, П. А. Гринцера, Т. Я. Елизаренковой, В. В. Иванова, С. Л. Невелевой, И. Д. Серебрякова, Э. Н. Тёмкина, В. Н. Топорова и др. Эти работы, достойно продолжающие традиции русской индологии на современном уровне научного исследования, значительно расширили в последние годы наше знание истории древнеиндийской литературы.

* * *

Общие работы по истории древнеиндийской литературы. Одной из первых попыток создания общего обзора санскритской литературы была книга Ф. Аделунга «Опыт литературы на санскритском языке», изданная на немецком языке в Петербурге в 1830 г.³² Она представляет собой, по существу, библиографический обзор европейской индологической литературы раннего периода; в настоящее время труд этот представляет только исторический интерес, хотя уже в нем дан обзор более 350 санскритских литературных памятников.

Первой подлинно научной обобщающей работой по истории древнеиндийской литературы, сохраняющей ценность поныне, была упоминавшаяся выше книга А. Вебера «Академические чтения об индийской литературной истории», вышедшая в 1852 г.³³ Она была построена на чрезвычайно обширном оригинальном материале, в значительной части впервые введенном автором в круг исследования. В 1876 г. вышло второе издание книги, в 1878 г. — английское издание³⁴.

Следующим по времени трудом такого рода была книга Макса Мюллера «История древней санскритской литературы» (1859)³⁵. Хотя она, возможно, превосходит труд А. Вебера живостью и яркостью изложения; теоретические основания, на которых автор ее строил свою концепцию истории индийской культуры, оказались опровергнуты дальнейшим развитием науки и для нас в настоящее время, несомненно, неприемлемы (особенно это относится к ариоцентристской позиции автора и к его солярной теории, весьма односторонне объясняющей

происхождение мифологических образов и сюжетов). Книга М. Мюллера может послужить, однако, источником интересного фактического материала, хотя в целом она значительно устарела.

Большими литературными достоинствами отличается также книга известного немецкого индолога Л. Шредера «Литература и культура Индии в историческом развитии» (1887)³⁶. Как и книга Вебера, названная выше, она основана на курсе лекций по истории древнеиндийской литературы, но материал излагается в ней более доступно и увлекательно; она содержит талантливые переводы на немецкий ряда отрывков из санскритских памятников, принадлежащие автору.

На рубеже XX в. появились две значительные общие работы по истории древнеиндийской литературы. Книга английского индолога А. А. Макдонелла «История санскритской литературы» (1900)³⁷ наиболее полно освещает ведийский литературный цикл — ту область, в которой автор книги был в свое время одним из крупнейших авторитетов. В работе немецкого индолога Г. Ольденберга «Литература древней Индии» (1903)³⁸ особенно хорошо изложен (по аналогичной причине) материал по буддийской литературе на пали и санскрите. Менее значительна и меньше внимания привлекла появившаяся тогда же работа француза В. Анри «Литературы Индии»³⁹.

Лучшим обобщающим трудом по истории древнеиндийской литературы, донныне не утратившим своего значения, явилась книга крупного австрийского индианиста Морица Винтерница «История индийской литературы», изданная в трех томах в Лейпциге в 1908—1920 гг.⁴⁰ В ней материал древнеиндийской литературы был охвачен наиболее полно по сравнению с предшествующими работами, названными выше. Книга М. Винтерница подводит итог исследованиям истории древнеиндийской литературы на Западе за длительный период; в освещении фактов истории культуры автор стоит на прогрессивных для того времени позициях, проявляя глубокое понимание своеобразия индийской традиции и ее исторических корней, и приходит к выводам, более обоснованным и продуманным по сравнению с некоторыми из его предшественников. Значительно уточнил и исправил некоторые свои положения Винтерниц при подготовке англий-

ского издания книги, первые два тома которого вышли в Калькутте в 1930—1932 гг.⁴¹.

Впоследствии ряд общих работ по истории литературы древней Индии был создан индийскими учеными. Среди них выделяется книга Кришны Чайтаны «Новая история санскритской литературы» (1962), рассматривающая индийский материал на широком фоне истории мировой литературы и содержащая интересные и оригинальные авторские концепции литературного процесса в древней Индии⁴².

В нашей стране долгое время единственной общей работой, содержащей обзор важнейших фактов истории древнеиндийской литературы, оставался упомянутый выше «Очерк» И. П. Минаева⁴³. К настоящему времени он, однако, в значительной степени устарел; кроме того, это очерк весьма сжатый, и в нем рассматривается только литература на санскрите. Лишь в 1963 г. вышел более полный, но тоже весьма краткий обзор — «Древнеиндийская литература» И. Д. Серебрякова⁴⁴. В 1971 г. опубликован более обширный труд того же автора — «Очерки древнеиндийской литературы»⁴⁵; он, однако, не дает систематического изложения истории литературы, но ставит интересные проблемы и разрабатывает вопросы методологии.

* * *

Периодизация истории древнеиндийской литературы. Установление периодизации, очевидно, необходимое условие для истории каждой литературы, но в нашей области мы встречаемся с серьезными трудностями, когда приступаем к разрешению этой задачи. Периодизация истории древнеиндийской литературы — проблема исключительно сложная, донныне не решенная окончательно. Трудность определяется прежде всего общей недостаточностью наших знаний о социальной и политической истории древней Индии. Несмотря на огромную исследовательскую работу, сделанную поколениями ученых-историков, и поныне целые эпохи остаются для нас в значительной мере белыми пятнами, тонут в тумане веков при полном иногда или почти полном отсутствии достоверных, датированных исторических доку-

ментов. Европейские исследователи неоднократно жаловались на пренебрежение, которое проявляли древние индийцы к тому, что в нашем понимании представляет собой историческая наука, на их склонность к смешению реальности фактов с фантастикой легенд и мифов, особенно же на их пренебрежение хронологией; и это действительно относится, во всяком случае, к брахманской традиции, которая дает основной доступный нам материал, сохранивший сведения об истории и культуре Индии в древнейшую эпоху.

Эта традиция оставила нам своего рода «периодизацию» своей литературы; она разделяет ее на два рода, которые хронологически в целом следуют один за другим. Древнейшую литературу религиозного содержания, составляющую так называемый ведийский цикл, индийская традиция называет *шрути*, т. е. литературой «откровения», и рассматривает ее как священное писание, созданное божественной мудростью и поведенное людям древними провидцами — риши. Последующую литературу традиция называет *смрити*, т. е. литературой «предания», созданной самими людьми и передававшейся из поколения в поколение. Сюда относится примыкающая к ведийскому циклу так называемая литература *сутр*, ритуальная, научная и законодательная. Иных периодизаций древняя Индия не знала.

Памятники древнеиндийской литературы дошли до нас недатированными, и определение времени их создания, требующее анализа всякого рода косвенных данных, — задача весьма затруднительная. При этом часто приходится основываться преимущественно на языковых данных, что, естественно, дает результаты довольно неопределенные. Это осложняется еще и тем, что древнейшие памятники индийской литературы не принадлежат одному автору и какому-то одному времени; каждый из них складывался на протяжении не одного столетия поколениями безвестных авторов и часто сочетает в себе тексты разных эпох, что ставит перед современным исследователем задачу внутренней датировки или внутренней хронологии такого памятника, задачу, не всегда разрешимую.

Отсюда и трудности проблемы периодизации, вставшие уже перед первыми историками древнеиндийской литературы. И поскольку в большинстве случаев дати-

ровка ее произведений основывалась главным образом на данных языка, языковой принцип был положен в начале и в основу периодизации. Так, древняя литература Индии разделялась исследователями на литературу на ведийском языке и литературу на санскрите, эпическом и классическом. Вебер в своей первой общей работе по древнеиндийской литературе соответственно выделяет два периода в ее истории. Позднее выделяли три периода — ведийский, эпический и классический, — к которым относилась литература соответственно на ведийском, эпическом и классическом санскрите; при этом учитывались литературные формы только древнеиндийского языка; выпадала литература на пали и других среднеиндийских языках. По существу, это означало отказ от периодизации, поскольку история языка не совпадает с историей литературы. К трем указанным разделам добавился четвертый — буддийская литература (на пали и санскрите); но и это не разрешало проблемы. Классический санскрит начал употребляться в литературе, по-видимому, раньше, чем окончательно прекратилась ведийская литературная традиция, не говоря уже об эпической форме санскрита; и не было такого периода в истории Индии, когда в ней создавалась бы только буддийская литература. Попытка периодизации по языковому принципу неизбежно приводит к тому, что один период накладывается на другой и четкой границы между ними провести невозможно. На протяжении последних веков до нашей эры и всего I тысячелетия н. э. в Индии параллельно употреблялись как литературные языки эпический и классический санскрит, и так называемый буддийский, или «гибридный», пракритизированная форма санскрита, и различные среднеиндийские языки, а с начала нашей эры — также древнетамильский язык; и создавалась одновременно литература индуистская, буддийская и джайнская.

Разумеется, периодизация истории литературы должна строиться на иных принципах, базироваться на реальной истории страны, истории ее социальных движений и отражающей их общественной мысли — в соответствии с фактами самой литературы; но, как уже отмечалось, в истории древней Индии в этих отношениях остается слишком много пробелов, и нельзя сказать, чтобы к настоящему времени удовлетворительная общепринятая

периодизация истории древнеиндийской литературы была уже выработана.

Более или менее целесообразным теперь можно считать деление ее на два больших периода: древнейший, иногда называемый также ведийским, и классический период (некоторым образом это означает возвращение к периодизации, принятой еще Вебером, но уже не язык литературы служит здесь критерием). Однако границы даже этих периодов остаются весьма неопределенными. Древнейший период начинается от истоков индийской литературы в середине или в конце II тысячелетия до н. э. (условно XV в. до н. э.) — со времени, к которому относят создание ранних гимнов «Ригведы»; нижней его границей — также достаточно условно — можно принять IV в. до н. э. В него входит весь основной ведийский цикл — Веды, Брахманы, Араньяки и Упанишады и древнейшие памятники литературы сутр, — а также начальные версии великих эпических поэм, послужившие ядром для дальнейших наслоений, поэм, окончательно сложившихся в их канонической форме, в которой они нам теперь известны, уже в пределах последующего периода. На второй период приходится становление, расцвет и постепенный упадок классической культуры древней Индии — это одна из самых ярких и впечатляющих страниц в истории мировой культуры. Чрезвычайно трудно определить время завершения этого периода. Уже к исходу I тысячелетия н. э. начинается развитие литературная традиция на новоиндийских и дравидских языках, однако санскритская классическая литература в это время еще занимает ведущее положение; произведения на санскрите создаются в Индии на всем протяжении средневековья и даже в новое время. Классическая культура Индии, уходящая корнями в древнюю эпоху, переживает расцвет в первой половине I тысячелетия н. э. и еще долго продолжает доминировать, захватывая период раннего средневековья. Можно условно определить конец классического периода X или даже XII в., хотя санскритская литература, ориентирующаяся на классические каноны, продолжает создаваться и позднее, а с другой стороны, как уже было отмечено, несколькими столетиями раньше начинают развиваться литературы на новоиндийских языках, которые в историю древнеиндийской литературы включены быть не могут; и уже совсем вне ра-

мок указанной периодизации оказывается тамильская литература, развитие которой восходит к началу I тысячелетия, но которая в целом начинает новую традицию, продолжающуюся в средние века и в новое время (потому она обычно целиком исключается из курсов древнеиндийской литературы). Вообще в дальнейшем следует помнить об условности всех хронологических рамок и датировок в истории древнеиндийской литературы; особенно это относится к древнейшему периоду.

Настоящий очерк охватывает фактически только часть древнейшего периода, хотя и наиболее значительную — начальную. Он ограничивается рамками ведийского цикла; героический эпос древней Индии, памятники которого дошли до нас в редакциях, сложившихся уже в классическую эпоху, целесообразнее рассматривать в другой части общей истории древнеиндийской литературы. Хронологические границы литературы, рассматриваемой в очерке, можно условно обозначить с XV по VI в. до н. э., хотя некоторые исследователи датируют цикл Упанишад, завершающий ведийский период, более поздним временем, и определенно позднее следует датировать литературу сутр, кратко охарактеризованную в конце данной книги (таким образом, весь древнейший период очерк не охватывает).

* * *

Культура городов долины Инда. Древнейшему периоду, который мы выделили в истории древнеиндийской литературы, предшествует во времени эпоха так называемой цивилизации городов Индской долины (или цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро), одной из самых ранних в истории человечества, достигшей весьма высокого уровня развития, по-видимому, уже в III тысячелетии до н. э. Однако мы ничего не знаем о литературе этой эпохи; письменность ее доньше остается нерасшифрованной, и даже когда тайна ее будет разгадана (определенные шаги в этом направлении сделаны в последние годы^{45a}), мы едва ли много узнаем о литературе древней Хараппы, если таковая существовала, так как сохранившиеся памятники этой письменности представляют собой краткие изолированные надписи, связанные же литературные тексты до нас не дошли.

По сохранившимся памятникам изобразительного искусства — изображениям на печатях, статуэткам — мы можем судить о существовании в древнейшую эпоху Индской цивилизации достаточно развитых, по-видимому, культур антропоморфных божеств, а также более архаических культов различных животных и деревьев. На некоторых печатях встречаются изображения рогатого трехликого (или четырехликого) бога, явно пользовавшегося особым почитанием в этих древних городах; возможно, что это было верховное божество государственного культа. На одной из печатей мы видим изображение этого божества, сидящего в характерной позе с подогнутыми ногами и касающимися одна другой пятками — позе индийского святого, отшельника, «Йогины», известной и по иконографии, и по непосредственным наблюдениям в Индии вплоть до наших дней; с четырех сторон его окружают животные: слон, буйвол, тигр и носорог, а внизу на печати изображены два оленя (здесь усматривают сходство с позднейшими изображениями «бенаресской проповеди» Будды⁴⁶). По ряду признаков это божество определяется как божество плодородия; Дж. Маршалл, один из первых исследователей памятников древней цивилизации долины Инда, дал ему в свое время имя «прото-Шива». Действительно, многое в его изображениях дает основания предполагать в нем прототип одного из верховных богов индуизма, в частности очевидный элемент фаллического культа, а также связь с животными (один из главных эпитетов Шивы — Пашупати, «Владыка животных»). В изображенных вокруг него животных усматривают также зооморфных божеств направлений, прототипы богов стран света в пантеоне позднейшего индуизма (так называемых локапалов)⁴⁷.

Широко распространен был в эту эпоху культ Богини-Матери, особенно, по-видимому, среди низших слоев общества, о чем можно судить по многочисленным грубо изготовленным ее статуэткам, найденным при раскопках беднейших кварталов городов Индской долины. Она изображается и на печатях, часто под сенью своеобразной арки с растительным орнаментом (из листьев дерева ашваттха), напоминающей некоторые изображения Шивы или его супруги Дурги в позднейшей индуистской иконографии. В изображении женщины с деревом, растущим из ее живота, в сочетании с двумя полузоо-

морфными фигурами Маршалл видел образ той же Богини-Матери с двумя спутниками, зооморфными гениями, — параллель этой троице находят и в других древних иконографиях, в частности в греческой, где спутниками Богини-Матери выступают конеподобные Диоскуры (тогда в индийской традиции их можно рассматривать как прототипы Ашвинов, см. ниже). На других изображениях этот образ богини сочетается еще с семью женскими фигурами; есть основания полагать, что они представляют собой речных богинь, олицетворяющих Инд с его притоками; их сопоставляют с семью речными божествами или нимфами — апсарами — в Ведах (см. ниже) и с образами очень распространенного впоследствии в Индии архаического культа семи богинь, связанного с почитанием Богини-Матери.

Связь древней Богини-Матери («прото-Дурги») с образом прото-Шивы, супругой которого она, по-видимому, почиталась, подчеркивается не только общностью растительного атрибута (голова рогатого бога на печатях увенчивается кроной той же ашваттхи); но и общностью зооморфического символа — буйвола (хотя, надо заметить, в индуизме Шива более всего ассоциируется с быком, Дурга — с тигром).

Из животных буйвол пользовался, вероятно, особым почитанием, и культ его, должно быть, предшествовал почитанию антропоморфного рогатого бога — прото-Шивы. Культовыми животными были также бык, козел, тигр, гавиал и др. Изображения на печатях Индской долины свидетельствуют также о существовании в ту эпоху развитого культа змей, который возрождается впоследствии в индуизме уже в послеведийскую эпоху — очевидно, именно как пережиток доарийской религии. Сочетание образов птицы и змеи на этих изображениях предвосхищает, по-видимому, характерную антитезу солнечной птицы и змеи, олицетворяющей водную стихию, в индуистской мифологии и символике.

На некоторых печатях изображения сцен с буйволом и человеческими фигурами подсказывают исследователям параллели с индуистским мифом о борьбе богини Дурги (или ее сына Сканды) с демоническим буйволом Махишей. В изображениях тигра (или тигрицы) видят прототип зооморфического символа богини Дурги в индуизме. В известном же изображении на печати чело-

веческой фигуры между двумя тиграми предполагают связь с шумерским мифом о Гильгамеше (где герой сражается с двумя львами) — города долины Инда, как известно, поддерживали торговые и культурные связи с Шумером; человеческая фигура на этом изображении, возможно, олицетворяет солнце (от головы ее расходятся лучи), тигры — силы тьмы, с которыми борется солнечное божество⁴⁸. В ряде сцен на печатях часто появляются тигр и человекообразное существо, которое борется с ним или сидит на дереве; в этом полузооморфическом образе усматривают божество растительности, дух дерева или леса; отголосок сюжета о борьбе его с тигром находят в сказке из палийского цикла джатак⁴⁹. Изображение человеческой фигуры между двумя вырванными из земли деревьями напоминает исследователям индуистскую легенду о Кришне, освободившем двух сыновей бога Куберы, обращенных проклятием в деревья.

Большую роль уже в эпоху цивилизации Хараппы, судя по изображениям на печатях, играл культ дерева, столь характерный для Индии и позднее. Как можно заключить по этим изображениям, почиталось полузооморфное, полуантропоморфное божество деревьев вроде упомянутого выше либо же объектом культа было дерево, как таковое. Выше уже отмечалось, что культ этот очень тесно связан был с культом Богини-Матери. Особенным почитанием пользовалась упомянутая ашваттха, священная смоковница, — как и в позднейшей индийской космологии, она играла роль мирового дерева (см. ниже). Наиболее характерным в этом аспекте является изображение опрокинутого корнями вверх дерева, находящее аналогии в древнеиндийской литературе последующих веков.

Указанные черты сходства образов иконографии Хараппы с индуистскими божествами, почитание священных животных и священных деревьев говорят об определенных узлах преемственности между древней цивилизацией долины Инда и позднейшей индийской культурной традицией, хотя переходная ступень от древнейшей эпохи к ведийскому обществу и культуре еще остается для нас пробелом за недостатком исторического материала.

Несомненно, что в ту эпоху существовали какие-то мифы и сказания, связанные с упомянутыми образами божеств и культовых животных и растений; они могли

быть зафиксированы письменно или передаваться в устной традиции, и отголоски их могли сохраниться в индийской литературе и фольклоре. Но сами эти сказания в том виде, в котором они тогда существовали, до нас не дошли, и историю древнеиндийской литературы мы начинаем все же с ведийского цикла, с его первого памятника — «Ригведы».

* * *

Письменность. Если не считать не расшифрованной еще письменности Хараппы, древнейшими памятниками письменности в Индии следует признать наскальные эдикты императора Ашоки, относящиеся к III в. до н. э. Они представляют уже вполне развитые формы алфавита, и, несомненно, письменная традиция начинается в Индии задолго до них — как полагают, приблизительно с VIII в. до н. э. Но, как нам известно, история индийской литературы начинается еще на несколько веков раньше, и здесь необходимо отметить важную черту ее: она представляет собой редкий в истории мировой культуры пример литературы, достигшей столь высокого развития на раннем этапе фактически вне письменности.

С глубокой древности и до нашего времени устная традиция играла исключительную роль в культурной жизни Индии. Запоминание наизусть, устная передача — чрезвычайно распространенная практика в Индии (как и вообще на Востоке, но в Индии, пожалуй, в особенности), на ней строится вся система традиционного брахманского образования, она культивируется и в самых широких слоях населения. И древнейшие памятники индийской литературы сложились и перешли из поколения в поколение в устной традиции.

Устная традиция сохраняла в Индии господствующее положение и долгое время после появления письменности. Вначале, как можно судить по источникам, письменность вообще не употреблялась для литературных целей; главной сферой ее применения были торговые, позднее также административные дела и т. п. Она служила для всякого рода деловых документов, писем, расписок, грамот и т. п., а литература существовала между тем в традиционной устной передаче; ученым брахма-

нам, по-видимому, тогда не приходило в голову, что столь возвышенный предмет, как литература (носившая исключительно религиозный характер в ту эпоху), может иметь что-то общее с таким низменным и прозаическим делом, как письменность. И после того как письменность стали употреблять постепенно и для записи литературных произведений и разработан был весьма совершенный алфавит, на протяжении веков в Индии продолжали отдавать предпочтение устной традиции, и она решительно рассматривалась как более надежный и авторитетный источник, чем письменность. Это пренебрежение к письменности сказалось, в частности, на крайне беспорядочном состоянии индийской рукописной традиции в эпоху средневековья. Каждый переписчик мог дополнять или исправлять по своему усмотрению текст любого произведения, если оно не входило в канон священного писания; ничего похожего на «авторское право» в древней и средневековой Индии не существовало⁵⁰. Естественно, это создает дополнительные трудности для исследования древнеиндийской литературы.

Возвращаясь к происхождению и началам индийской письменности, укажем, что надписи Ашоки дают образцы двух видов письма. Наиболее распространенный вид, употребляющийся, по-видимому, во всей Индии, кроме ее северо-западных областей,— так называемое письмо *брахми*. Происхождение его донныне является предметом разногласий. Многие индийские ученые утверждают, что эта письменность имеет исконно индийское происхождение, и возводят ее к письменности Хараппы. Разумеется, это не может считаться доказанным, пока не расшифрована протоиндийская письменность; то обстоятельство, что из нескольких сотен знаков протоиндийского письма некоторые имеют отдаленное сходство с брахми, не может служить решающим аргументом. Большинство европейских и ряд индийских ученых склоняются к теории семитского происхождения брахми. Бюлер, например, полагал, что эта письменность восходит к древнему семитскому письму и была заимствована около IX—VIII вв. до н. э. через странствующих купцов. Это мнение обосновано более убедительно, во всяком случае, сходство брахми с некоторыми ранними северосемитскими алфавитами представляется более близким, чем с надписями Хараппы; тем не менее проблему происхож-

дения брахми все еще нельзя считать окончательно разрешенной.

Брахми читается слева направо в отличие от семитских алфавитов, и это выдвигали как аргумент, свидетельствующий против теории заимствования. Но некоторые ранние надписи брахми читаются справа налево, и высказывалось предположение (впервые еще Бюлером), что именно такое направление письма было свойственно брахми изначально. Впрочем, само по себе это еще ничего не решает, поскольку и протоиндийское письмо, как теперь выясняется, читалось справа налево. Индийский ученый Дани полагает, что письменность брахми появилась в Индии не как слепое заимствование, но была разработана индийцами на основе северосемитских алфавитов, причем направление письма было изменено в ней с самого начала.

Эта письменность употреблялась в Индии почти повсеместно уже во времена Ашоки и до первых веков нашей эры включительно⁵¹. Но уже с III в. до н. э. начинают определяться местные вариации, которые в дальнейшем проявляются все более отчетливо и дают импульс развитию нескольких различных самостоятельных алфавитов. На севере еще до начала нашей эры писцы начинают добавлять к буквам своеобразные росчерки, которые постепенно приводят к образованию единой слитной линии над буквами одной строки или одного слова; уже в средневековый период, в конце I тысячелетия н. э., возникает таким образом письмо *деванагари* (или *нагари*), местные варианты того же письма ведут к образованию отдельных алфавитов в Пенджабе, Бенгалии, Гуджарате.

На юге алфавит развивается в более пышных и затейливых формах букв, округлых в отличие от угловатых северных алфавитов,— последнее обстоятельство в значительной мере обуславливалось материалом, на котором писали: на севере это была специально обработанная береста, и на ней писали обычно пером; на юге— пальмовый лист, на котором буквы выводились заостренной палочкой, стилем. Особняком стоит среди южных алфавитов тамильский *грантха*— угловатый, как и северные. На основе общего прототипа— письма брахми— к концу I тысячелетия н. э. складываются все алфавиты Северной и Южной Индии, а также Тибета и Цейлона

приблизительно в том виде, в котором они существуют и до наших дней.

От индийских алфавитов (главным образом от южных) происходят и все алфавиты Юго-Восточной Азии, употребляемые с IV—V вв. (к этому времени относятся древнейшие сохранившиеся памятники письменности стран Юго-Восточной Азии) до нашего времени (исключая, естественно, арабский и латинский).

Другая разновидность древнеиндийского письма времен Ашоки — *кхароштхи*⁵² — употреблялась только в Северо-Западной Индии приблизительно до III в. н. э. На несколько веков дольше она употреблялась в Центральной Азии, где найдено много пракритских документов, написанных письмом кхароштхи. Относительно происхождения кхароштхи сомнений не существует: эта письменность (направление письма — справа налево) — семитского происхождения, точнее, арамейского — заимствована, очевидно, через соседний Иран, где арамейский алфавит широко употреблялся во времена Ахеменидов.

Наиболее употребительным материалом для письма был пальмовый лист (санскр. *талапатра*, там, *олаи*), специально обработанный — высушенный и нарезанный лоскутами. На севере, однако, где трудно было обеспечить запасы высушенного пальмового листа, он был заменен берестой, также специально обработанной. Помимо этих основных материалов использовались также нарезанная бумажная или шелковая ткань, тонкие деревянные или бамбуковые дощечки; важные документы нередко гравировались на медных пластинках. Бумага пришла в Индию из Китая, по-видимому, относительно поздно.

Писали тростниковым пером — *калама* (греч. *каламос*), чернила изготовлялись из сажи или древесного угля. Но на юге, как упоминалось, буквы обычно выцарапывали стилем на пальмовом листе и лист натирали потом мелко испорошенной сажой.

В индийском климате такие непрочные материалы, как пальмовый лист, быстро изнашивались и гнили, поэтому рукописей на пальмовом листе, бересте и т. п. дошло до нас немного, причем они принадлежат уже относительно позднему времени⁵³. От древней эпохи сохранились письменные памятники только на камне или

металле. Рукописи на пальмовых листах обычно сшивались в книгу веревкой, пропущенной через середину листа, или (в больших книгах) двумя веревками по краям. Книгу переплетали, заключая листы между двумя деревянными дощечками, обычно лакированными и раскрашенными. Эта практика до сих пор сохраняется местами в Южной Индии⁵⁴.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5
Изучение древнеиндийской литературы на Западе	8
Изучение древнеиндийской литературы в России и СССР	21
Общие работы по истории древнеиндийской литературы	27
Периодизация истории древнеиндийской литературы	29
Культура городов долины Инда	33
Письменность	37
Глава I. «Ригведа»	42
«Ригведа» — «Книга гимнов». Текст памятника и его интерпретация	46
Содержание «Ригведы»	51
Мифология «Ригведы». Пантеон	52
Низшая мифология	87
Демонология	90
Култ предков	92
Гимны-диалоги	95
Гимны светского содержания, заклинания, загадки	97
Космогония «Ригведы»	99
Язык и стиль «Ригведы»	103
Глава II. Поздние Веды и Брахманы	109
Поздневедийская эпоха	109
«Атхарваведа» — «Книга заклинаний»	112
«Яджурведа» — «Книга жертвенных изречений»	129
Брахманы	142
Глава III. Веданта	161
Конец ведийского периода	161
Араньяки и Упанишады в составе ведийского цикла	164
Главные Упанишады	166
Основные учения Упанишад	173
Язык и стиль Упанишад	186
Веданга	188
Библиография и примечания	191
Указатель имен	219
Указатель произведений	225
Указатель индийских терминов	228